

АРТИСТ замечательной судьбы, Александр Алексеевич Остужев был продолжателем традиций школы Малого театра, традиций Ермоловой и Ленского на советской сцене. Остужевское исполнение ролей Освальда в «Привидениях» Ибсена, Незнамова («Без вины виноватые»), Алексея («Дети Ванюшина») вошло в историю русского дореволюционного театра. После революции остужевское исполнение Отелло, Уриэля Акости, Скупого рыцаря из пушкинской трагедии, ролей уже не драматических, а трагических, стало бесспорным и высоким достижением театра советского.

Но значение творчества Остужева не исчерпывается его огромными сценическими достижениями. Он был актером-личностью, его человеческая самобытность и сила были опорой его мастерства. Поэтому его жизнь — пример удивительного мужества и преданности искусству. В биографии Остужева, кроме эпизодов чисто личных, есть и черты исторически характерные, причем очень часто одно неотделимо от другого. Конечно, встреча А. И. Сумбатова-Южина, уже знаменитого в то время артиста, с молодым актером-любителем Александром Пожаровым (это настоящая фамилия Остужева) весной 1895 года могла в Воронеже и не случиться. Но потерял после встречи это «воронежское сокровище» (так назвал он Александра Пожарова в письме П. Гнедичу) он уже не хотел. В неопубликованной статье об А. И. Южине (она хранится в ЦГАЛИ) Остужев вспоминал: «На другой же день (после получения письма от Южина.— Ю. А.), 5 сентября, я взял отпуск с места своей службы

и выехал в Москву. При приезде пришел к Южину домой на его квартиру. Он пригласил к себе Ленского и познакомил меня с ним... В этот же вечер решили, в какой роли и пьесе я должен сдавать экзамен. В течение нескольких дней я работал над ролью одной из пьес Островского...

В сентябре 1895 года я стал учеником школы Малого театра».

А. П. Ленский всесторонне развивал артистическую индивидуальность своего любимого ученика. Мало кто помнит, что первой ролью Остужева в трагедии «Отелло» была вовсе не роль Кассио (молодой Остужев в этой роли был партнером Сальвини), вполне подходившая Остужеву по внешним данным, и не роль благородного мавра, над чьей горестной судьбой Остужев плакал еще мальчиком, а роль злодея Яго. По воспоминаниям соученика Остужева — А. В. Васенина, именно эту роль по воле А. П. Ленского пришлось играть Остужеву на уроках сценического мастерства. А на выпускных экзаменах Остужев играл и роль резонера Филинта в мольеровском «Мизантропе», и роль Незнамова в драме «Без вины виноватые». Но дело не только в этом диапазоне ролей, необходимом для решения «двойной задачи», о которой писал Южин. Главной особенностью школы Малого театра, школы Ленского, было отношение к слову: само произнесение слова на сцене уже и было действием. А умение передать зыпуло и ощутимо пластику слова требовало совершенного владения голосом. Голосовая характеристика была свойством ведущей актёров Малого театра, у каждого из них — и у Ермоловой, и у Ленского, и у Южи-

на — была своя «кантилена». Для тогдашних корифеев Малого театра голос был больше, чем техническим средством. Он для них в такой же мере был «техническим средством», как для пианиста пианино. И Остужев овладевал искусством голоса, искусством «голосоведения».

Талант молодого Остужева развивала не только школа, но и среда: «С момента приезда в Москву я стал посещать три семейных дома, окружение которых самым решительным образом повлияло на формирование моего характера и сознания как актёра и гражданина, — вспоминал Остужев. — Это были «дома» А. И. Южина, А. П. Ленского и В. И. Немировича-Данченко...»

Там собирался цвет тогдашней московской интеллигенции; говорили о политике, о литературе, о театре. Обсуждали свежие номера журнала «Русская мысль», который редактировал друг Южина В. А. Гольцев, находившийся под надзором царской охраны, дважды арестовывавшийся — один раз за сотрудничество с народолюбцами, другой — за укрывательство политиче-

ского «преступника», бежавшего из Сибири. Эта среда воспитывала гражданственность и высокую человечность.

Остужев не мог отвернуться от времени, каким бы жестоким оно ни было. Душевная открытость была не только свойством Остужева в личном общении: это было свойство его мироощущения.

В 1907 году Остужев исполнил роль Жадова в «Доходном месте». Он «был первым, кто трактовал Жадова в полном соответствии с замыслом Островского. Он играл не только страдания несчастных людей, но стремился передать протест, показать человека борьбы. Теперь это стало истиной, а в нашем спектакле было новым и неожиданным», писала партнерша Остужева по спектаклю Е. Д. Берс. «Закваска русского интеллигента», которую потом отменял в себе Остужев, сказала именно в том, что, по его же словам, в основе сыгранных им образов лежала «тема о добре», «борьба за добро», «возвышенный протест во имя добра». И в его Освальде, и в его Незнанове жил пафос утверждения высоких идеалов челове-

ности, жил протест против социальной несправедливости.

В первые же годы революции Остужев активно включился в перестройку театра. В его новое, коллегиальное руководство он был избран заместителем директора театра Южина и занимался самым трудным в те годы разрывом делом: хозяйством театра. Да и не только этим: в «Еженедельнике государственных академических театров» приводится телеграмма представителя ведущих русских театров А. В. Луначарскому с предложением учредить Ассоциацию академических театров. От имени Малого театра телеграмму эту в июне 1919 года подписал вместе с Южиным и Садовским Остужев.

Новая, подлинно рабочая, народная аудитория воодушевляла художника: Остужев, несмотря на болезнь, играл зимой в промерзших клубах, организовывал гастроли в московских пригородах.

Последующее десятилетие оказалось для Остужева нелегким. Хотя в 1927 году, незадолго до смерти, А. И. Южин писал, что у труппы Малого театра есть два столпа — П. М. Садовский и А. А.

РЫЦАРЬ СЦЕНЫ

К 100-летию со дня рождения А. А. Остужева

вели злодея-брата непременно «живого... живого!». В этом месте А. М. Арго казалось, что «стены театра рухнули, и звук пошел в пространство». Е. Д. Турчанинова писала: «Его дыхание было беспредельным... казалось, нет конца этому звуку — он лился, звенел, потрясал...»

В декабре 1935 года ноты столь же огромной — если не еще большей силы потрясли зрителей. Десятки раз поднимался и опускался занавес: вызывали Остужева.

Остужев играл Отелло. Это был не только личный триумф артиста, но и триумф его школы, школы Ленского, школы Малого театра, еще раз доказавшей свою жизнеспособность. Остужев создал Отелло, которого никогда еще не было на русской сцене. Это был не реанимец, не Отелло, обезумевший от ярости, ибо его доверие было обмануто, — это был справедливый Отелло. Отелло — судья. «Исключительной силы чувства» и «в то же время ледяной сосредоточенности и покоя» требовал от себя Остужев в пятом акте. Ибо для его Отелло убийство Дездемоны было актом «идейной мести и личной жертвы, звеном в служении человечеству... (обманула меня — обманет и других)... Но те, кто слышал негромкий и горестный вопль остужевского Отелло над телом Дездемоны: «О Дездемона, мертвая-я-а!», — те помнят, как трагически несчастен был этот судья.

Он умел находить удовлетворение в непосредственной, живой и, как правило, восторженной реакции зрителей филлиала Малого театра на Таганке. На этой сцене для рабочего по преимуществу зрителя сыграл Остужев роль Карла Моора, «борца за идею добра», как писал актер об этом шиллеровском образе. Именно в этой роли увидел и оценил Остужева С. Э. Радлов, осуществлявший в Малом театре постановку трагедии Шекспира «Отелло». Интересно, что и режиссер, и другие очевидцы — Е. Д. Турчанинова, А. М. Арго, Н. А. Луначарская-Розенель — отметили в спектакле один и тот же эпизод, когда Остужев — Моор требовал, чтобы к нему при-

А когда над Европой уже вспыхнуло зарево второй мировой войны, он сыграл другую свою великую роль — роль Уриэля Акости.

Отечественная война заставила артиста за подготовкой роли короля Лира. Он прервал эту работу. Стихи В. И. Лебедева-Кумача «Идет война народная, священная война» впервые, еще до того, как стали песней, прозвучали по радио на всю страну в исполнении Александра Остужева. В газете «Челябинский рабочий» 1942 года приведены слова артиста: «Каждый гражданин, если не может быть красноармейцем, обязан служить красноармейцу». Так народный артист СССР А. А. Остужев объяснял свое желание возглавить вместе с народным артистом РСФСР М. Ф. Лениным бригаду артистов, уезжавших на фронт. «Мне 70 лет, у меня не хватает сил, чтобы играть любимые роли Акости и Отелло, но я хочу, чем могу, принести пользу Родине».

Покинув в послевоенные годы сцену, он не расстался с любимым искусством.

В архиве А. А. Остужева в ЦГАЛИ хранится стихотворение поэта Г. А. Лахути, посвященное артисту:

Не огорчайся, мастер наш
любимый,
Что слуха ты телесного
лишен.
Ты слухом сердца, друг,
со всех сторон
Услышь слова любви
неугасимой!

Остужев в высокой степени обладал этим «слухом сердца» и оттого был чуток к времени. Он не жил под его диктовку — он откликался на его запросы.

Ю. АЙХЕНВАЛЬД.